

Рецензия на научно-квалификационную работу
«Бытийно-историческое мышление Хайдеггера: философия другого начала»
Мановас Янины Эдуардовны

Представленная научно-квалификационная работа, посвященная теме другого начала по книге М. Хайдеггера «Вклад в философию: о событии», - хорошие «строительные леса» для кандидатской диссертации, из которой надо убрать некоторые очевидно подготовительные фрагменты и жестче прояснить собственно хайдеггеровский *неаналитический метод* (с. 74), непонятное мышление, неизбежно сталкивающиеся с аналитичным при попытке его исследования философом-метафизиком, для которого не только такие модусы бытия, как ужас, испуг, страх, но и удивление или предчувствие осмысляются в рамках экзистенциального истолкования. В работе описаны и трудности предъявления метода, и представлены возможности его вербального выражения (что делает работу совершенно уникальной), но подчас растянуто и аморфно.

Автор прекрасно знает литературу по своей теме, использует ее по делу, объясняя многие сложные «места». Метод «замедленного чтения» способствовал въедливой демонстрации смысла употребляемых терминов, обнаружив вместе с тем плюсы и минусы научно-квалификационной работы, показав, с одной стороны, рождение квалификации, а с другой стороны – пробуксовку ответов на поставленные вопросы (вызывает, например, сомнение, такое высказывание, как «бытийно-историческое мышление» может прочесть «историю бытия», поскольку это «тайна, отказывающая в раскрытии так же радикально, как смерть» (с. 31–32), или разъяснение о предрассудках, «насаждающих и взращивающих *отсутствие потребности* вопроса о бытии» (с. 15). Складывается впечатление, что иногда автор забывает о своей миссии разъяснения и говорит языком Хайдеггера, который в «скрытой» книге имеет право писать по принципу «два пишем – три в уме». Но «мы» не живем в этой тайне, это он в ней живет, а значит – не в отсутствии потребности и т.д.).

Безусловным плюсом квалификационного исследования является ее метод: 1) кропотливая и тщательная работа с известными лексемами, желанием вызволить их сначала из привычного понятийного употребления в иной смысловой регистр, а затем из непонятности или непонятности в понятность или показать место их «окультурной» составляющей; 2) акцент на понимание («я попытаюсь прояснить это», «я попытаюсь это сделать»); 3) на разъяснение другого начала философии, связанного с поворотом от фундаментальной онтологии «Бытия и времени» к бытийно-историческому мышлению «Вклада...»; 4) на логику как сигетику и рождающуюся теосигетику (неологизм Я. Мановас).

Работа идет со словами-сгущениями, с лексемами «бытие», «вот-бытие» (хотя автор работы предупреждает, что специально этим заниматься не будет), «присутствие», «наличие», «человеческое бытие», «нужда», «ритм», «настроение», «махинация», «расчет», «быстрота», «массовость», «воля». Последняя (возьмем это в качестве примера) рассмотрена в самых разных аспектах: сдержанность как воля, воля к власти как аффект, воля к власти как настроение, сдержанность как воля, сдержанность как стиль. Назвать эти слова терминами или даже концептами (хотя «схватывание» как мыслительная операция у Хайдеггера используется широко) автор не решается, просто констатируя «другой способ быть в мире, настроенный настроением другого начала, которое перестраивает все существо человека» (с. 64). Это рождает некую неудовлетворенность восприятия: ясно, что здесь нет движения к понятиям, но – повторим за Бибихиным – возникает вопрос, за что держаться или: как удержать начало, чтобы оно стало началом, иначе все может оказаться пустой декларацией. Может быть, не грех обозначить эти названия словом «феномен», как делает сам Хайдеггер.

Акцент на понимание (для Хайдеггера это очень важная ментальная процедура) иногда оказывается лишь провозглашенным, само понимание остается не слишком внятно выраженным. Так, утверждение «бытие *не* существует» остается утверждением, которое можно принять или не принять к сведению, поскольку высветление его «странным светом, непохожим на привычный нам свет (ясность ночи)», оказывающимся «*высветлением* смертью», выглядит не столько прояснением, сколько смутной метафорой света и признанием «смертности как неотменимой причастности смертного этому неотменимому конечному сметанию всего конечного» (с. 29).

Все же в основном показ глубины книги, на которую опирается автор, «скрытой книги», написанной в 1936–1938 гг., не печатавшейся при жизни Хайдеггера, но являющейся «концептуальным ядром» для многих вышедших позднее его книг осуществлен очень хорошо. Книга, где заново прорабатывается проблема начала, «появилась, - по выражению Бибихина, - как новость и новостью остается до сих пор». Я. Мановас восприняла этот стиль, «прощупывая» глубину замысла или степень проработки проблемы: она предъявляет свою квалификацию объяснением понятий или *анализом*, например, *перевода* названия: по ее мнению, книгу следовало бы перевести как «Вклад в философию события», что соответствовало бы замыслу Хайдеггера, желавшего обратить внимание на *пути мысли*, а не на формирование произведения, хотя при этом – и на это тоже обращается внимание – ликвидируется двучастность произведения, завораживающая в названии.

Основу квалификационного исследования составляет именно то, что задано названием, – попытка понять другое начало в философии (первое начало – фундаментальная

онтология, метафизика) через язык, через человека, понятого двусмысленно: в качестве проводника бытия и в качестве «себя-превосходящего, *сдвинутого (тронувшегося, с-ума-сшедшего)*», находящегося «в этом смысле всегда в состоянии аффекта» (с. 97). При этом используется метод, предложенный В.В. Бибихиным: отказ от контекстуализации, означающий воздержание от заранее заданной системы координат (с. 65).

Под другим началом, или *бытийно-историческим мышлением*, Хайдеггер понимает «бытие в его истории: от его первого раскрытия и первого истолкования в раннегреческой философии до *забвения бытия* в последующие эпохи, когда бытие становится самым общим – и потому самым пустым – понятием и постепенно выпадает из поля зрения философии» (с. 24). Это, на мой взгляд, более точное описание метода, чем тот, что в диссертации назван сравнительно-историческим: история обнаруживается в/внутри самого понятия (метод, который еще раньше использовал П.А. Флоренский, считавший, что вещь в своем воплощении нагружена историзмом и формирует событийные исторические связи).

Проблему *поворота* от фундаментальной онтологии к бытийно-историческому мышлению диссертант справедливо считает очень важной для анализа, «ибо обычно говорят только о фундаментальной онтологии Хайдеггера или – о возврате в пойтеическое» (с. 23). Однако смысл историчности бытийно-исторического мышления – и на это обращает внимание диссертант – заключается в том, что начальное исходно таинственно. Не исследование, не ученость может подвести к незнанию: тайна лежит в его основании, и, соответственно, в основании европейской философской традиции.

Именно такое исходное измерение позволяет диссертанту «предпринять попытку гипотетически построить образ такого способа быть в мире» (с. 45). Без такого *поворота* нельзя вести речь о другом начале, да сама мысль об этом без такой «философской радикализации», связанной к тому же с осознанием финальности, временности вот-бытия, не возникла бы. Я. Мановас кажется, что она ставит задачу понять замысел Хайдеггера «через периферийные темы», каковыми оказываются настроение или язык, но именно эти темы в результате вырастают в основные средства для «самораскрытия и самосокрытия бытия».

Представляется интригующим анализ такой постановки вопроса: как осуществляется не переход от конкретного к абстрактному, не переход от абстрактного к чему-то конкретному и воплощенному, а переход от открытого, не поддающегося взгляду и аналитическому скальпелю знания (оно – во главе угла) к энергетическим сгусткам понятий. В этой ситуации может быть понято и «человеческое бытие в его неопределимости и открытости к определениям» (с. 19), и это же бытие как пропуск бытия, и его онтология и доонтологическая «онтология». Четко поставленная, эта задача могла бы многое разрешить в

диссертации, лишив ее 1) чистой – во многих фрагментах – декларации и 2) обосновав поворот к имманентной модификации, не лишаящей проблему трансцендентного измерения.

Одним из главных компонентов другого начала является логика – не высказываний, а молчания (то, что в диссертации называется сигетикой), что значит: речь доводится до полного выголашивания. Поскольку же в основании лежит тайна, то это дает возможность сделать вывод о том, что «забвение бытия «спровоцировано» им самим (с. 36). Тайна как раз и объясняет структуру «Вклада в философию», который строится не как отду-маный трактат, а как афоризмы, наброски (что, кстати, связано, и с пониманием *Dasein*). Такая предположенность другого начала сознательно превращала книгу в незаконченное произведение, в произведение другого стиля, который не предполагает языка метафизики.

Конечно, одной из главных тем, звучащих в диссертации, является тема события, раскрывающего бытие, уклоняющееся от определений (с. 42).

Хайдеггер сам фиксирует трудность своего исследования: она состоит в логической нестыковке чистого утверждения об исходной тайне бытия и в необходимости пробиться к нему из уже ставшей европейской традиции с наработанным арсеналом средств понимания. Но только при такой двойственности взгляда возможно событие как со-бытие. Хайдеггер, как сообщает автор работы, называет такое бытийно-историческое мышление к другому началу переходным, но возможно речь идет не о временном периоде, а о бытийно-историческом пространстве *переходности* (иной термин!), которое в состоянии подготовить этот переход. Именно поэтому столь важно определить понятия временности, темпоральности, историчности у Хайдеггера, что сейчас в работе не сделано (это следующий этап). Переходность соответствует и периодам, и требованиям интенсивных изменений, возникая в ситуации неопределенности и неустойчивости. Кажется, что именно на этом и ставил акцент Хайдеггер. И диссертант пишет, что речь идет о *пространстве другого начала* – «не в смысле возвращения к чему-то бывшему до него... а к самому *arche*, к началу, которое до всяких начинаний» (с. 45). Речь идет, но несобранно, в разных отдаленных друг от друга местах, логически не связано. Эта несвязанность, как и многочисленные повторы иногда мешают восприятию логики работы. Между тем такая логика помогает постижению *Da-sein*, к которому автор – *volens-nolens* – то и дело обращается, заявив важнейшую вещь: «пространство другого начала... перестраивает, перенастраивает человеческое существо из бытия... в *вот-бытие*» (с. 53). Именно поэтому, т.е. следуя самой логике вклада, а не исследования его, можно предполагать (в этом смысл проектирования *вот-бытия*) содержательные характеристики человека другого начала: как носителя его настроений. В противном случае все эти допуски принадлежат скорее утопии. Впро-

чем, в некотором смысле это все-равно может быть отнесено к утопии, поскольку другое начало – тайна, где все, в том числе сияющий бросить, «впервые становится собой», но собой-другим, не знакомым и непривычным – странным (с. 63-65).

Параграф о том, кто такие боги, один из самых значительных, написан с опорой на тексты Бибикина, с анализом этим текстов, прямо соотносящихся с «Вкладом в философию». Именно здесь автор передает свое понимание и теосигетики, и события (Ereignis) как возвращения к своему собственному, к свободе, к неопределимости как своему, чем подчеркивается двухчастность названия книги и тем самым отрицается авторский перевод названия, лишаящий «Вклад» двухчастности, но зато жестикулярно изображается «открытие открытости» как цель работы: теосигетика – то, что говорит из другого опыта божественности, нуждающееся в долгом предшествовании и предугадывающее впереди новое начало, в котором пребывает и знание, которое тем самым изначальнее веры.

На меня не произвело впечатления сравнение «Сталкера» Тарковского и «Бога» Цветаевой – внефилософские примеры другого начала, они действительно только иллюстрации, которые могут быть иначе истолкованы.

Что, как мне кажется, является недостатком исследования? О многом я говорила по ходу изложения, но есть частности.

Названы не все исследователи *Dasein*. Ахутин, написавший специальное эссе, упомянут только как переводчик. Использована не вся литература, посвященная непонятному мышлению и отношениям Хайдеггера с теологией. Так, не упомянут сборник переводов, вышедший в Институте философии РАН в 1975 г. под редакцией В.К. Зелинского и В.В. Бибикина «Мартин Хайдеггер и теология».

Надо продумать и стиль: «философская радикализация конечности» (с. 25) – звучит, на мой взгляд, плохо, у нас слово «конечность» имеет и другое значение. Неясно, и что такое непонятность как мнимость понятности?

Однако цели и задачи научно-квалификационного исследования выполнены. Оно полностью отвечает требованиям, предъявляемым к такого рода работам.

Главный научный сотрудник
Института философии РАН, д.ф.н.

С.С. Неретина

Подпись Неретиной С.С.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института философии РАН Екравец